

К 700-лeтнeму юбилею Преподобного Сергия Радонeжского

Святые окрестности
Троице-Сергиевой лавры

Сергиев Посад

2012

86.372

С 50

Смирнова Т.В.

Святые окрестности Троице-Сергиевой

Лавры – [Текст] / Т.В. Смирнова.–

Сергиев Посад: ООО «ВДВ “ПАК”», 2012.

64 с.: ил.

ББК: 86.372

Серия книг «Дорога к храму»

На титульном листе рис. М.П. Митурича-Хлебникова

Выпуск из серии «Дорога к храму» посвящен монастырям, скитам и пустыням в окрестностях Троице-Сергиевой лавры. В их числе Хотьковский Покровский монастырь, Спасо-Вифанский монастырь, Гефсиманский скит и его отделение – Чениговский скит, Киновия, пустынь Святого Параклита, Смоленская Зосимова пустынь, Гермогенова пустынь. Рассказывается об их истории, достопримечательностях, современном состоянии.

Выпуск предназначен для широкого круга читателей.

В настоящей серии вышли книги

- Троицкий собор Лавры

– По железной дороге из Москвы в Сергиев Посад

Готовится к изданию

– Троице-Сергиева Лавра в произведениях художников

ISBN 978-5-9976-0054-9

Святые окрестности Лавры... Вблизи Троицкого монастыря, основанного преподобным Сергием, находится немало святых мест – монастырей и скитов, возникших в разные времена. На старой карте окрестностей Троице-Сергиевой Лавры можно найти названия Вифания и Гефсимания, как на карте окрестностей древнего Иерусалима. Известно, что Вифанию посетил Иисус Христос, узнав о смерти Своего друга Лазаря, и воскресил его, а в Гефсиманском саду Он молился Отцу Своему, прося избавить от мучительной смерти. Сходство в расположении Гефсиманского скита, Лавры и Спасо-Вифанского монастыря с расположением евангельских Гефсимании, Иерусалима и Вифании создало символическую связь между Лаврой и Иерусалимом.

Большинство богомольцев, шедших к Троице, сначала заходили в Покровский монастырь в Хотькове, один из старейших в России, чтобы поклониться родителям Преподобного. Кирилл и Мария в старости постриглись в этом монастыре. Их мощи покоятся в Покровской церкви.

Посещали паломники и Черниговский скит, где их принимал народный духовник старец Варнава и где находилась чудотворная Черниговская икона Божией Матери, и Спасо-Вифанский монастырь. Многих влекло в Зосимову пустынь, к старцу Алексею.

А были скиты менее посещаемые, со строгим уставом, куда женщинам доступ был закрыт: Гефсиманский скит, скит Параклит. В тишине и безмолвии жили там иноки, проводя время в молитвах и неустанных трудах.

И еще неподалеку от Лавры был город-крепость Радонеж, где прошли юношеские годы великого русского святого. Старинному поселению, стоящему на месте того города, ныне возвращено прежнее название – Радонеж.

В последние годы иные монастыри и скиты возрождены, о других сохранилась лишь память. Обо всех этих святых местах и идет речь в этой книге, которая может служить путеводителем как для паломников, так и для всех интересующихся историей нашей Родины.

*Президент Сергиева фонда
С.В. Чичков-Баженов*

Радонеж

В древнем Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры покоятся мощи преподобного Сергия Радонежского. Почему его так называют? Радонеж – село километрах в 18 от Лавры. В XIV веке эти земли принадлежали московскому князю Ивану Калите, а позже его внуку серпуховскому князю Владимиру Храброму, прославленному герою Куликовской битвы. Сюда в 1330-е годы переселились из-под Ростова Великого боярин Кирилл с женой Марией и детьми. Одного из сыновей звали Варфоломеем. При пострижении в монашество он получил имя Сергей. Здесь, в Радонеже, и прошла юность будущего великого русского святого.

Эти места были обитаемы еще до того, как сюда, предположительно в XI веке, пришли славяне. Археологи нашли в Радонеже бронзовую подвеску в виде медведя и датировали ее VII–XVIII веками. находка бронзовой шумящей подвески IX века подтвердила, что местность была заселена финно-угорским племенем меря.

При раскопках Радонежского посада найдено немало кузнечных изделий, керамической посуды, глиняных игрушек, относящихся к XIV–XV векам. Исследовали археологи и Радонежское городище. На высоком мысу в крутой петле речки Пажи стоял маленький укрепленный город. При приближении врага в таких крепостях укрывались окрестные жители. С X века славяне при строительстве укреплений старались выбрать площадку, которая была бы окружена естественными препятствиями, в данном случае этим препятствием служили крутые берега реки. Для защиты открытой части городища делали ров и вал, на котором стояли стены из срубов, заполненных землей, и деревянные

башни. Типичным примером подобной крепости был Радонеж. Валы и сейчас хорошо видны. Но все строения были уничтожены огнем в Смутное время.

Писатель А.Н. Стрижев представил, каким был Радонеж в XIV веке, а острый его глаз фенолога увидел, что растут на валах особые, радонежские травы:

«В Замосковье есть немало заветных городков и городищ, славных своим историческим прошлым. Одно из них – древний Радонеж, затерянный к северу от столицы, в окружении взгорков и лесных распадков. Насыпные земляные валы когда-то прятали “деревян-град” – детинец; валы и теперь высятся внушительно, местами неприступно. Как же благолепно возвышался Радонеж тогда, в седой глубине веков, с его теремами, башнями и колоколенками, за двумя ярусами дубового тына, за пряслами и тяжелыми крепостными воротами! Летом обвеивался смолистым воздухом, пропитывался духмяными травами. Зимой здесь сквозь алмазы и хрустали сугробов все светилось покоем; и густой бас колокола да сдержанный говорок посадников перемежался похрустыванием деревьев, коченеющих на стужах.

Исхожены эти окрестности святым отроком Варфоломеем, исполнившим волю Божию стать игуменом всея Руси преподобным Сергием Радонежским. Со времен святого Сергия, а позже со Смутных лет польского разорения пронеслись века. Ни детинца, ни посада не пощадил всепожирающий огонь давнего лихолетья. Лишь земляные валы, когда-то вздыбленные руками человека, сохранили отметины древнего Радонежа. Живым приветом старины покажутся благовонные травы, растущие на этих валах. Как возвеселится и дрогнет сердце паломника, как отзовется весь он терпкой болью воспоминаний, когда на склоне твердыни сорвет стебелек душицы! Вдохнет, и всего пронизжет потрясающий запах. Одни стебельки душицы отцвели, и все равно благоухают, другие розовеют кружочками, молодея предосенними днями.

Может быть, душица и была лучшей заваркой на Руси до знакомства с привозным чаем? Может быть, хотя с нею могли соперничать и мята, и чабрец.

Еще одна радонежская редкость – купавка красильная. Собою вроде ромашки, только пониже, и лепестками-блесточками желтая. И душистая слегка, этакое диво! Когда-то, наверное, много попадалось купавки на других лугах. С распахкой и покосами исчезла.

А вот и очитки, по-другому, заячья капуста – тоже растение суходолов. И они не боятся зноя и безводья. На радонежских валах увидишь очиток пурпурный и едкий. Пурпурный очень высок и пышен, венчан яркой шапкой, а едкий – мелок, невзрачен, лепится к земле. Роса живет его, мелкий дождичек. Что ни листочек – толстый сосудец с влагой про запас.

Порадуют тут и редкие клевера, не похожие на обычные трилистники. Вот пашенный клевер, по-другому, котики: его головки вроде хвостиков – оттого и прозван «котиками». Каштановый клевер, как хмель, усыпан чешуйками, такими покажутся его головки. Колокольчик скученный, зверобой, короставник полевой, золотарник – все эти травы подчеркивают величие и покой древнего Радонежа.

А седая полынь... Нет запаха горше полынного! Когда пробираешься полынной зарослью, вдосталь наглотаешься пропыленного колючего воздуха. Полынных метелок не дотронься – окутают желтой пылью. Ею-то и пропылен воздух. Замечу, что растение это в Замосковье редкое, из полыней у нас изобилует разве что чернобыльник.

Седая полынь на древней земле придает особую суровость остаткам боевой твердыни. Радонежские травы пускают ароматы, и запах их дик и волен, как даль веков, с коей они сопряжены валами».

Существующую церковь во имя Преображения Господня с приделом преподобного Сергия Радонежского выстроили в середине XIX века. Ее архитектура традиционна для того времени. Вспомним слова Д.С. Лихачева о сельских церквях, о том, что они служили «гармоническим завершением ландшафта», а «золотая маковка не только издали светилась, как яркая, веселая игрушка, но и была ориентиром для путника». Подумайте, как изменился бы пейзаж, не будь в нем этой церкви.

В Радонеже хочется увидеть тот дуб, под которым М. Нестеров изобразил старца в картине «Видение отроку Варфоломею». На самом деле встреча будущего святого с таинственным старцем произошла не в Радонеже, а в окрестностях Ростова Великого, где тогда еще жила семья. Но художник увидел пейзаж для картины в здешней местности, когда гостил в Абрамцеве – усадьбе Мамонтовых, расположенной в нескольких верстах от Радонежа. Он вспоминал: «Как-то раз с террасы абрамцевского дома моим глазам представилась такая русская, русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе капустные малахитовые огороды. Справа золотистая роща. Кое- что изменить, добавить, и фон для «Варфоломея» такой, что лучше и не придумаешь». И создалась легенда, что судьбоносная встреча состоялась именно здесь, в Радонеже.

В 1988 году возле радонежской церкви был установлен памятный знак преподобному Сергию работы скульптора Вячеслава Клыкова. Как истинное произведение искусства он допускает разнообразные толкования, в том числе и то, которое поддерживает эту легенду. К.С. Аксаков, подметил какую-то особенность этой местности. Он писал в 1857 году о Радонеже: «На нем лежит какой-то особый вид тишины и уединения, точно, Бог знает, в какой глуши, и так хорошо, и тихо становится на душе. Перед глазами нашими, за близкой

околицей опять поле, и опять леса. Так тихо и далеко. Так хорошо! Мир и простор».

Поэтические строки посвятил Радонежу поэт и художник Павел Радимов, долгие годы живший в абрамцевском поселке художников:

Радонеж

В старинный Радонеж под жаворонков пень
Иду с котомкою дорогой без дорог.
Окончилось зимы осадное сиденье,

Крутая липнет грязь, и чмокает сапог.
Развесила ветла пушистые подвески,
Снегами кое-где белеют перелески,

Пустые ржанища желтеются окрест,
Янтарною водой налиты мочежины,
Поместье Калиты средь этих было мест,
Владимир Храбрый здесь гостил с своей дружиной.

Я в древней вотчине: мелькнул на церкви крест,
И Пажа под селом все залила лощины,
И утки дикие, покинув свой насест,
Над головой летят до новой луговины.

А писатель Борис Шергин сказал: «Посети Радонежскую землю. Ты увидишь холмы, то покрытые лесом, то пашнями. Узенькие реки отражают серебристо-облачное небо... Если ты любишь святую Сергиеву Русь, мысленное око твое радостно увидит и Его».

Село долгое время называли Городок – старинное название забыли. Название Радонеж теперь возвращено. Но за последние десятилетия многое изменилось в этой местности: село пересекла шоссейная дорога, возникли новые строения. Поспешите – возможно, перемены скоро изменят этот заповедный ландшафт до неузнаваемости. Сейчас еще можно найти в

окрестностях места, где путника охватывает чувство несказанной красоты окружающего и какого-то особого умиротворения.

Добраться до Радонежа можно на автобусе № 388 от ВДНХ (рейс через Хотьково). Или на нем же в обратную сторону от станции Хотьково Ярославской железной дороги (остановка на шоссе напротив автовокзала в Хотькове).

Покровский монастырь в Хотькове

От Радонежа до Покровского монастыря в Хотькове километров пять. Вдоль западной стены монастыря течет Пажа – та самая речка, что и в Радонеже. Стоят на ее берегах серебристые ветлы. В этом монастыре в старости постриглись престарелые родители Преподобного Кирилл и Мария – обитель была тогда смешанного типа – для старцев и стариц. Там же они были и похоронены. Их мощи покоятся теперь в Покровской церкви. День памяти этих святых 31 января.

Покровский монастырь – один из старейших русских монастырей. Первое упоминание о нем есть в документе 1308 года. Но напрасно глаз паломника будет искать древние строения. Они не сохранились. Сначала это была маленькая бедная обитель, где все постройки были деревянными. Когда она была передан Иваном Грозным в управление Троице-Сергиева монастыря, положение улучшилось. В это время он, видимо, и стал девичьим. В Смутное время монастырь был разорен поляками. Священник монастыря Сергей, спасавшийся в стенах Троице-Сергиева монастыря, скончался во время осады.

Но монастырь вновь возродился, и в 1617 году в нем было уже две деревянных церкви. В 40-х годах XVII века на пожертвование царского стольника В.Ф. Янова была выстроена каменная церковь Покрова Божией

Матери и каменная колокольня. Этот благотворитель пожертвовал также иконы, облачения, пелены, книги, священные сосуды и другие вещи. Церковь была необычной архитектуры: шатровой трехглавой. Но она была разобрана в 1811 году и воздвигнута новая пятиглавая каменная церковь, которую мы и видим сейчас.

Известно, что в первой половине XVII века стоял в монастыре и другой храм – Никольский. Обветшавший, он был через некоторое время (1679 год) заменен снова деревянным теплым храмом, а к середине XVIII века и он обветшал. Через несколько лет на собранные пожертвования был возведен каменный Никольский храм. Освящение его архимандритом Лары Платоном состоялось в 1768 году. Вскоре после этого на месте деревянной ограды возведена каменная ограда с башнями. Большое строительство развернулось в монастыре и в первой половине XIX века: была выстроена новая каменная колокольня, несколько двух- и трехэтажных корпусов, а также вне стен монастыря странноприимный дом, гостиница и другие здания. Несмотря на прежнюю планировку вдоль берега реки, называемую «уличной» монастырь получил величественный стройный вид.

Однако в начале XX этот вид был сильно нарушен строительством краснокирпичного Никольского собора (лаврский архитектор А.А. Латков). Храм, рассчитанный на три тысячи человек, так велик, что впоследствии, когда на территории монастыря располагалась школа комбайнеров, в его помещении стояли трактора и комбайны, а позже в нем находился гараж пожарной части.

Таким образом, в настоящее время в Покровском монастыре мы можем видеть постройки конца XVIII века: стены, башни и ворота. При этом северные ворота имеют в оформлении центрального входа с внутренней стороны

характерные волюты стиля барокко. Постройки первой половины XIX века, из них наиболее ценной является пятиглавая Покровская церковь в стиле классицизма, три стороны которой имеют портики с колоннами. И, наконец, Никольский собор начала XX века в псевдовизантийском стиле.

В монастыре было большое хозяйство: пашня, сенокос, скотный двор, на другом берегу Пажи – сад и огород, даже оранжереи, в которых, по летописи 1873 года, «воспитывались» ананасы. Монахини занимались также рукоделием: плели кружева, вышивали золотыми нитями, шелком и бисером, пекли узорные пряники, писали иконы на золотом фоне, делали лоскутные мячики-«гремушки». Богомольцы, шедшие к Троице, заходили в Хотьковский монастырь поклониться родителям Преподобного и покупали изделия монахинь на память. Писатель Иван Шмелев вспоминал, что когда он в детстве побывал на богомолье у Троицы, то старушка-монахиня в Хотькове говорила путникам:

«Уж заночуйте у родителей Преподобного, помолитесь, панихидку по родителям отслужите, схимонаху Кириллу и схимонахине Марии. И услышит вашу молитву Преподобный. У нас хорошо, порядливо... под Покровом Владычицы обитаем. Родители-то у нас под спудом...кутьицей сытовой родителей помяните, спаси вас Господи. Рукодельница наши поглядите, кружевки, пояски... деткам мячики подарите лоскутные, с вышивкой, нарядные какие...».

В последние годы возобновился интерес к таким лоскутным мячикам; им посвящена книга искусствоведа Г.Л. Дайн «Лоскутные мячики из Хотькова». Ей удалось восстановить утраченную технологию изготовления мячиков-погремушек, и в 1990-е годы в Хотькове, в Сергиевом Посаде, а потом и в других городах России стали мастерить эти замечательные игрушки.

После революции монахини организовали артель – стегали одеяла, вышивали на экспорт платки, полотенца, покрывала. И шили мягкие игрушки – зайчиков, белочек, медведей, кукол. Артель в 1928 году была выселена с территории монастыря, но производство не прекратилось. Даже в годы войны, в деревне Морозово оно существовало, хотя работали уже не монахини, а местные жительницы.

Дочь «девочки с персиками» Елизавета Александровна вспоминала, как осенью 1925 года был арестован в Абрамцеве ее отец А.Д. Самарин:

«Почему-то в памяти не сохранились минуты прощания в эту ночь. Может быть, потому, что мне разрешено проводить его до станции Хотьково. Сколько раз мы ходили вместе, вдвоем, в столь любимый нами Хотьков-монастырь. Папа всегда впереди, высокий, легкой и быстрой походкой, я за ним почти вприпрыжку и тоже легко и радостно. Хотьков мой второй дом. Как любили мы монашеское стройное пение, чинность службы, необычайное чистоту-сияние в храме. В эту ночь мы шли молча, окруженные конвоем. Вот и станция. Сидим в столь знакомом с детства «зале». Молчание. Подходит поезд из Сергиева Посада...»

После революции на территории монастыря был расквартирован сначала конвойный полк, на рубеже 1920–1930-х годов – агрономический факультет одной из московских школ, превратившийся позже в агротехнический техникум. В 1931 году арестовали последнюю игуменью монастыря Варсонофию. Она скончалась на этапе. В 1932-м закрыли Никольский собор. Плиты лабрадорита, которые были использованы в его облицовке, а также кладбищенские плиты монастырского некрополя были отправлены на строительство московского метрополитена. В 1933 году взорвали колокольню и закрыли Покровскую церковь. Большую часть монахинь арестовали. С храмов сбили кресты.

Менялся облик монастыря, но, все также стояли его стены, все так же текла у его стен Пажа, стояли старые ветлы. Художник Роберт Фальк запечатлел эту местность в 1954 году. Пейзаж «Хотьковский монастырь» написан им с противоположного берега речки. При взгляде на холст монастырь кажется скорее каким-то средневековым замком, загадочно выглядит низкое красное строение с черным проемом (не сохранилось). Между тем, можно найти место, с которого художник писал этот пейзаж, и убедиться, что вид монастыря передан совершенно реалистично.

Вокруг монастыря вырос промышленный город. Борис Шергин писал: «Погляжу я на землю: там, где был лес или поле с цветами, там сей год казарменные корпуса химзавода... А подыму лицо вверх, и небо все то же... И то знаю, какова эта ненаглядная серо-жемчужная таинственная пелена бывала тысячу лет назад, такова эта переливная жемчужность и сейчас. Каковым это небо соглядал Сергей Радонежский, таковым лик заветный, блакитный вижу и я, нищий».

В 1989 году Патриархии была возвращена Покровская церковь. Все внутри ее было покрыто слоем сажи – когда химический цех, занимавший церковь, освобождал помещение, случился пожар. Но через непродолжительное время были проведены ремонтные работы, поставлен новый иконостас. В 1992 году произошла канонизация родителей преподобного Кирилла и Марии. Мощи их находятся в трапезной Покровской церкви. В это же время начинается возрождение монастырской жизни.

Продолжились и реставрационные работы: восстановлены надвратные церкви Иоанна Предтечи над северными воротами, Митрофана Воронежского над южными. Восстановлено пятиглавие Никольского собора. И в октябре 2012 г. собор освящен Патриархом Кириллом. С маленькой деревянной звонницы разносится звон колоколов.

До монастыря можно доехать от Москвы с Ярославского вокзала электричкой, которая идет на Сергиев Посад или Александров (до станции Хотьково) или автобусом № 388 от ВДНХ (рейс через Хотьково).

Спасо-Вифанский монастырь

Вспоминая о детстве, И.С. Шмелев, побывавший на богомолье у Троицы, писал, как извозчики кричали на площади у Лавры перед гостиницей:

– Ваше степенство, меня рядили ... в скит-то свезу! В Вифанию прикажите, на резвых!.. К Черниговской кого за полтинник?..

... Катим в Вифанию на тройке, коляска звенит-гремит... Едем в березах, кругом благодать Господня – богатые луга с цветами, такие-то крупные ромашки и колокольчики! Просим извозчика остановиться, надо нарвать цветочков. Он говорит: «ну, что ж, можно дитев потешить» – и припускает к траве лошадок:

– И лошадок повеселим. Сено тут преподобное, с него каждая лошадка крепнет ... монахи бы не увидали только!

Все радуются: трава-то какая сильная. И цветы по-особенному пахнут. Я нюхаю цветочки – священным пахнут.

К юго-востоку от Лавры в 1783 году был основан митрополитом Платоном (Левшиным; 1737–1812 гг.), наместником Троице-Сергиевой лавры, Спасо-Вифанский монастырь. Название напоминает о евангельских событиях: Иисус Христос пришел в селение Вифанию, узнав, о смерти своего друга Лазаря, и воскресил его. Место для монастыря было выбрано на речке Кончуре, среди лугов и прудов.

В плане монастырь представлял удлинённый прямоугольник с башнями по углам, воротами посередине коротких сторон, с домом хозяина, гостинными покоем, с церковью, помещённой в центре, прудом и регулярным французским садом. Он являлся, как считал А.Н. Свирин, директор Сергиевского историко-художественного музея, «точным отражением выработанных архитектором Доменико Трезини (1670–1734) и утвержденных Петром Первым планов загородных домов начала XVIII в.». Это не удивительно, если учесть, что Платон долгое время прожил в Петербурге, при царском дворе. Ведь когда императрица Екатерина II приезжала в Лавру на богомолье, он своей проповедью произвел на нее такое впечатление, что она назначила его законоучителем к своему сыну, будущему императору Павлу I. И Платон покинул Лавру на несколько лет. В столице он проникся эстетическими вкусами эпохи, что отразилось в убранстве собственных покоев митрополита в Вифании. Ко времени строительства монастыря он был уже болен, стремился к тишине. И большую часть времени проводил не в Лавре, а в Вифании, в своем двухэтажном доме, где долгое время и после его смерти сохранялась вся обстановка. В конце XIX века в покоях митрополита был создан музей, получивший в начале 1920-х годов статус филиала Сергиевского историко-художественного музея. А.Н. Свирин, директор музея, в 1925 году так описывал одну из комнат:

«В спальне стены были обиты бумажными китайскими обоями, на окнах китайские шелковые занавеси, кровать с зелеными шелковыми занавесями, на полу зеленый ковер с цветами. Представляя мысленно французский сад, важно гуляющих девять павлинов и светло-палевую карету “аглицкой работы”, обитую внутри красным сафьяном, с красным чехлом на козлах, в которой выезжал Платон, получишь редкую по стильности картину насыщенной жизни XVIII века: здесь изделия Персии, Китая, Англии наряду с работой

доморощенных живописцев, сливаясь в одно целое в покаях иерарха XVIII века, рисуют бытовую обстановку минувшей эпохи».

Необычна была церковь Вифанского монастыря (1783–1786 годы). Овальная в плане, с галереей вдоль стен, она имела два придела: верхний во имя Преображения Господня и нижний во имя воскрешения Лазаря. Преображение – час высшей славы Иисуса Христа в Его земной жизни. В Евангелии сказано, что Он взошел на гору Фавор с тремя своими учениками. Одежды Его сделались белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И раздался голос с неба: «Сей есть Сын Мой возлюбленный. Его слушайте».

И вот по распоряжению митрополита Платона в верхнем приделе церкви был устроен не обычный иконостас, а искусственная гора Фавор (архитектор Конон Песков). Неизгладимое впечатление произвела она на писателя Ивана Шмелева, побывавшего в этих местах в детстве. Он вспоминал:

«В Вифанском монастыре, в церкви, гора Фавор! Стоит вместо иконостаса, а на ней – Преображение Господне. Входим по лесенке и смотрим: пасутся игрушечные овечки, течет голубой ручеек в камушках, зайчик сидит во мху, тоже игрушечный, на кусточках ягоды и розы... – такое чудо!».

В Лавре и в Вифанском монастыре побывал в 1797 году после коронации император Павел. Они снова встретились: учитель и ученик. В память об этом посещении митрополит Платон установил обелиск. Павлу Вифания так понравилась, что он распорядился открыть там духовную семинарию. Двухэтажное с четырьмя башнями здание семинарии было выстроено в виде буквы «П». Торжественное открытие состоялось в 1800 году, в праздник Преображения Господня. Желающих учиться в Вифанской семинарии, где преподавание было поставлено превосходно, становилось все больше. Ее

расширили, и построили в 1826–1830 годах величественное здание в стиле позднего классицизма.

Появились новые строения и в монастыре. Богомольцы, приходившие в Лавру, посещали обычно и Вифанию. Число их росло. И во второй половине XIX века был возведен новый большой храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери, напоминавший Успенский собор Троице-Сергиевой лавры. Этот монументальный пятиглавый храм, шатровая колокольня, ограда с башенками создали новый облик монастыря, стоявшего в прекрасной местности.

Дочь В.В. Розанова Надежда Васильевна, вспоминая, как они жили на даче в Вифании в 1913 году, писала:

«Иногда вечерами мы ходили к монастырской гостинице и, заказав самовар, пили чай с земляничным свежим вареньем в саду, над самым озером. Из монастырской кухни приносили жбаны с квасом и чудесный печеный хлеб, такой вкусный, что и сейчас хочется потянуть носом».

А вокруг были леса, полные грибов и ягод, широкие просторы полей, луга с цветами – ромашками и колокольчиками, богатые рыбой пруды с маленькими островками.

В 1929 году музей в покоях митрополита Платона был закрыт. Большая часть вещей из него перевезена в Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник. До нашего времени от бывшего великолепия осталось только бывшая монастырская гостиница, нижняя часть Тихвинского собора да в полуразрушенном состоянии здания семинарии. Даже имя этой местности было забыто: микрорайон стали называть Птицеградом, так как в нем расположился НИИПтицеводства.

Но в последнее время идут восстановительные работы: уже возведена колокольня, почти закончена постройка Преображенской церкви, при этом планируется восстановить и ее необычный интерьер. Есть надежда, что будет

восстановлено здание семинарии. Несколько лет назад улице, ведущей в этот микрорайон Сергиева Посада, возвращено название Вифанская (быв. Комсомольская).

Доехать до Вифании, можно от автовокзала Сергиева Посада или от остановки «Улица Карла Маркса». Улица К. Маркса начинается против Лавры и идет перпендикулярно центральному проспекту города (проспекту Красной Армии). Автобусы и маршрутные такси №№ 30, 36.

Гефсиманский скит

К востоку от Лавры, километрах в трех раньше находился Гефсиманский скит. Название, как и Вифания, напоминает о евангельских событиях. В Гефсиманском саду под Иерусалимом молился Иисус Христос, перед крестными страданиями. И расположение этих пунктов – Вифании и Гефсимании – по отношению к Лавре подобно тому, как они расположены под Иерусалимом. Основан был скит в начале 1840-х годов наместником Лавры Антонием (Медведевым; 1792–1877) при участии митрополита московского Филарета (Дроздова; 1782–1867) и предназначался для иноков, стремившихся к аскетической жизни, к уединению и тишине. Все в скиту напоминало обитель преподобного Сергия при его жизни. Из села Пососенья перевезли Успенскую церковь XVII века, рубленную из сосновых бревен. Потом построили деревянную колокольню и братские корпуса. Будущий знаменитый старец Варнава (Меркулов; 1831–1906) так вспоминал о жизни в молодые годы в Гефсиманском скиту:

«Из богомольцев в скит редко-редко кто зайдет, а то и никого нет. И хорошо было мне жить вдали от суеты мирской... тихо, покойно ... Бывало выйдешь из землянки-то в лес, кругом, знаешь, такая тишина, как будто в

могиле, только птички Божии своим щебетанием нарушали тишину. На душе станет как-то спокойно... все мысли, все помышления в одном только Боге... Душа покойна – простора ищет...».

Архимандрит Евдоким писал о том, что к концу XIX века в ските «не осталось ничего недостроенного и неустроенного. Там и здесь нет ни одного предмета, начиная от самых ничтожных и кончая самыми большими, на которых бы не лежала печать глубокой осмысленности, простоты и изящества».

Скит полюбился митрополиту Филарету. Особенно часто в последние годы жизни он, нуждаясь в молитвенном уединении, проводил долгое время в скиту. Для него были построены двухэтажные покои, примыкавшие к Успенской церкви. Обстановка их отличалась крайней простотой в отличие от покоев митрополита Платона. Была уже другая эпоха. Все в скиту должно было напоминать о временах преподобного Сергия.

Писатель Борис Шергин, влюбившийся в Радонежскую землю, писал, представляя, какими были утварь и облачения в Троицком монастыре в XIV веке:

«Бедность древних храмов была такова, что медь и олово были роскошью. Подсвечники и все сосуды, включая святой потир-чашу, все было из дерева. Кадильница глиняная, фелони и стихари из полотна, но льняная фелонь сияет краше шелка, складки ее приведут в восторг Фидия, оплечье, набитое вручную, богаче и рыта бархата. Древние, иерейские литургийные пояса, свисающие кистями до полу, выпрядены из крученого, неокрашенного льна. Но сама Византия подивилась бы изяществу этих посконных пряжей и кистей. А венцы для брачующихся из бересты. На простом ободке расцветает ряд как бы “королевских лилий”. Аристократизм формы этих венцов совершенно удивителен.

Так что вот, изящество, красота, аристократизм, тонкий вкус, культура предметов обихода-быта не зависят от материала. И когда я помышляю о скудости и бедности первоначальной Сергиевой обители, я в то же время знаю, что этот деревянно-посконный обиход, с точки зрения нас, художников декоративного искусства, этот обиход Руси XIV века был высокохудожественным, прекрасным, преисполненным высокой художественной культуры».

В скитских церквях не было вещей из золота и серебра, утварь была в основном деревянная, а лампы – фарфоровые, фаянсовые и хрустальные. Слова Шергина о том, что важен не материал, а высокая художественная культура, подтверждаются описанием службы в Гефсиманском скиту, сделанным Ксенией Петровной Истоминой (в замужестве Трубецкой; 1912–1995). Когда в 1920 году была закрыта для верующих Лавра, в скит стали пускать и женщин. Семья Истоминых, как и семьи многих других «бывших», приехала в Сергиев Посад в 1920-х годах. Она вспоминала:

«Богослужения в скиту отличались замечательной красотой. Пение – столповое на крюках, всегда на два клироса с канонархами; полное отсутствие по уставу всякого драгоценного металла – все деревянное, перламутр, чудные облачения, изготовленные хотьковскими монахинями. В будни облачения были холщовые, отделанные с большим вкусом холщовыми же полосами искусно подобранного цвета. Помню облачения на Страстной седмице, поразившие меня своей красотой. По краю черных бархатных фелоней, на некотором расстоянии один от другого, ярко выделялись белые круги с разноцветными букетами цветов. Длилось богослужение по нескольку часов...».

Молодому графу Алексею Владимировичу Комаровскому (1914–1988), семья которого жила с 1923 года в Сергиевом Посаде, тоже запомнилось посещение Гефсиманского скита:

«В мое время скит был уже открытым монастырем, доступным для жителей Посада и приезжих богомольцев. Внешней красотой, единством он не отличался. Обнесенный красной кирпичной стеной, он занимал площадь в два–два с половиной гектара. В центре стояла несколько приподнятая деревянная церковь и неподалеку от нее – отдельная каменная колокольня. Около монастырских ворот размещался двухэтажный жилой корпус с трапезной. Вокруг церкви, в лесочке, ютились маленькие деревянные домики, в которых жили схимонахи и скитские старцы. Между всеми строениями были проложены узкие дощатые дорожки. Сколько было в скиту монахов, сказать не могу, но думаю, что было их около ста. Из Лавры после ее закрытия перешло совсем немного. Вероятно, власти ограничивали их число, да и жилья было мало.

В скитскую церковь надо было подняться по крутой скрипучей лестнице, размещенной в притворе. Оттуда вы попадали в полумрак просторной западной половины церкви. Из-за слабого освещения и большой площади она казалась несколько придавленной. Впереди (в восточной половине) больше света давала высота. В паникадилах мерцали разноцветные лампы. Ближе к алтарю стояли монахи, часть из них – схимники. Их черные мантии сливались с черным фоном стены. Мне, мальчику, они казались не живыми, а изображениями святых, рельефно выступающими из стены. Служба совершалась по строгому монастырскому чину, без суеты и шныряния служек туда-сюда, в молитвенной сосредоточенности всех предстоящих. Служил обычно один иеромонах и один иеродиакон. На правом и левом клиросах пели два прекрасно спетых монашеских хора с канонархом. В определенные моменты службы оба хора сходились в середине церкви и составляли единый величественный мужской хор. О красоте напевов и говорить нечего. Разумеется, какое-либо концертное исполнение песнопений исключалось.

Игумен монастыря, о. Израиль, был очень музыкален и ревностно следил, чтобы в хоре пели монахи с хорошим слухом и голосами».

И.М. Снегирев писал о том, как жили в скиту в XIX веке:

«Часы, свободные от молитв и остающиеся от сна, скитяне посвящали трудам. В келлиях, кроме установленных молитв и поклонов, они занимались рукоделиями: вырезали из дерева крестики, ложечки, подсвечники, чашки. Вне келий неуклонно отправляли различные послушания: весной и летом возделывали огороды, пололи и поливали овощи и цветы, косили, шевелили и убирали сено, чистили свой обширный плодовый сад; осенью заготавливали дрова на зиму».

В конце XIX века при игумене Данииле в скиту были и пчельник, и скотный двор – ферма, и оранжереи. После революции монахи, чтобы скит не закрыли, преобразовали его в трудовую сельскохозяйственную артель. Из воспоминаний Ксении Трубецкой:

«В скиту было прекрасно налаженное хозяйство. Все светилось чистотой и порядком. Никогда больше я не видела такого ухоженного скота и полей. Особенно помню, как лоснились бока и спины лошадей, с которыми так ласково обращались. Изготавливали в скиту какой-то необычайный квас из черной смородины. Он был так вкусен, что в свое время поставлялся к царскому столу. Близ скита были большие пруды. В них монахи развели каких-то замечательных снетков. Не знаю, ловили ли их на остальном протяжении года, но помню, что на Сырной седмице, именуемой в миру Масленицей, во льду делали проруби, снетки в них, можно сказать, набивались, и их во множестве вылавливали сачками. Отец Израиль и нам присылал этих снетков. Их замечательно вкусно жарили с блинами. Пруды были совсем рядом с Посадом и не огорожены. Все-все знали о снетках, но не было слышно случаев, чтобы их воровали».

Бывала в скиту в 1920-е годы и Мария Михайловна Голицына (в замужестве Веселовская). Она вспоминала:

«В службе «Всем святым, в земле Российской просиявшим» после обращения ко всем русским святым, прославившемся в течение веков, в самом конце службы, в девятой песне канона, есть обращение ко всем святым, “знаемым и неизвестным”, “явленным и неявленным”. Когда я читаю эти слова о «подвижниках, исповедниках и мучениках», то вспоминаю группу замечательных монахов Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры в 1924–1928 годах. Гефсиманский скит закрыли в начале 1920-х годов и на его территории разместили инвалидов Загорского инвалидного дома. Одна старинная деревянная церковь в Гефсиманском скиту оставалась незакрытой. Монахи Гефсиманского скита перешли жить в другой скит – Параклит, который был открыт до 1929 года. Все эти монахи, изгнанные из Гефсиманского скита и любившие свой оставленный вопреки их желанию дом, свою церковь, свой скит, взяли на себя послушание ежедневно приходить в открытую для служения церковь и служить там.

Руководство инвалидного дома согласилось на это с тем, чтобы церковная служба кончалась в 8–9 часов утра и не мешала бы распорядку в инвалидном доме. Группа монахов Гефсиманского скита, переехавших в Параклит, приняла это требование. Ежедневно в 2–3 часа ночи, в любую погоду – в темные осенние ночи, в дождь и слякоть или в трескучие морозы января монахи ходили служить Божественную Литургию, (а перед ней утреню и все полагающиеся службы) за 5 км. от Параклита в Гефсиманский скит. Группа возглавлялась величественным и властным игуменом Израилем.

А службы в Гефсиманском скиту были тогда небесные, ангельские. Служили высокотожественно, часто не один, а два или три иеромонаха. Все духовенство было в прекрасных облачениях, особенно в праздничные дни».

В конце 1928 года скит был закрыт. На его территории находятся военные организации. Постройки не сохранились, кроме части стены. Микрорайон Сергиева Посада, где находился скит, носит теперь имя «Ферма», в память о монашеской артели, созданной монахами после революции.

Часть вещей из покоев митрополита Филарета, в которых в 1920-е годы был создан филиал Сергиевского историко-художественного музея-заповедника, находится теперь в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. В «Ризнице» (филиале музея) экспонируются поступившие из Гефсимании резные изделия из перламутра и дерева.

Черниговский скит

Пещерное отделение Гефсиманского скита больше известно под названием Черниговского скита. Всякий скит создается как место тихое, уединенное. Но у Черниговского скита была другая судьба. Некоторым монахам хотелось еще большего уединения. Они стали строить кельи на отшибе. После из них вырастали другие скиты и пустыни. Начало одному из них положил в середине XIX века юродивый Филиппушка (ум. в 1868), принявшийся копать пещеры неподалеку от Гефсиманского скита. Потом Лавра прислала в помощь рабочих. В большой пещере был устроен подземный храм, освященный в 1851 году. От него шли сводчатые коридоры с малыми пещерами. А наверху поставили деревянную надпещерную церковь.

В скит в 1852 году была пожертвована Черниговская икона Божьей Матери, вскоре прославившаяся как чудотворная. Богомольцы со всей России стремились поклониться иконе и побывать в скиту у старца Варнавы. Был он народным духовником. Тысячи людей искали у него благословления, совета в

делах, утешения в скорбях. Всех он принимал с улыбкой и любовью. Иван Шмелев, видевший старца, когда был ребенком, вспоминал:

«...кажется мне, что из глаз его светит свет. Вижу его серенькую бородку, острую шапочку – скуфейку, светлое доброе лицо подрясник, закапанный воском. Мне хорошо от ласки, глаза мои наливаются слезами, и я, не помня себя, трогаю пальцем воск, царапаю ноготком подрясник. Он кладет мне на голову руку и говорит:

– А это... ишь любопытный какой... пчелки со мной молились, слезки это их светлые... – и показывает на восковинки».

Скоро Черниговский скит стал таким же притягательным для богомольцев, как и Лавра. Деревянный храм обветшал и стал тесен. Было решено построить новый храм – каменный во имя Черниговской иконы Божией Матери. И поставить так, чтобы не повредить нижнюю, пещерную церковь. Лавра пригласила для этой работы известного архитектора и инженера Николая Владимировича Султанова (1850–1908). Он был поклонником того варианта «русского» стиля в архитектуре, который возник в царствование Александра III, считал, что «...московский русский стиль достиг своего наибольшего, хотя и далеко не полного развития в XVII веке; и представляет нам образцы самостоятельного русского искусства». Архитектор справился с трудной задачей: возвел пятиглавый храм в стиле краснокирпичных ярославских церквей второй половины XVII века. После этого ему пришлось переключиться на создание памятника Александру II в Кремле. Стройную пятиярусную колокольню с шатровым верхом и ограду строил уже другой архитектор – лаврский архитектор А.А. Латков. Но можно с большой уверенностью предположить, что эту работу он выполнил, имея проект Султанова. Иначе не получилось бы такого замечательного целостного ансамбля.

Великолепен был и интерьер храма. Точной копией иконостаса церкви Иоанна Предтечи в Ярославле был его четырехъярусный иконостас из позолоченной меди, с чеканкой и разноцветными эмалями. Освящение главного престола храма состоялось в 1893 году.

В 1921 году Черниговский скит закрыли. В нем была устроена колония для инвалидов труда, больше похожих на уголовников. Чудотворную Черниговскую икону Божией Матери увезли, и она пропала. Сбросили с колокольни колокола. Ксения Петровна Истомина (Трубецкая) вспоминала, что самый большой колокол «упав, не разбился. К счастью, техники тогда особой не было, и колокол старались безуспешно расколоть, чтобы увезти. Мощное тело его не поддавалось злобным усилиям. Тогда дождались морозов и облили колокол кипятком. Этого он не выдержал и лопнул с громким стоном, далеко отозвавшимся в холодном воздухе».

Прочные строения скита устояли в те годы. В 1990 году их возвратили Лавре, и монашеская жизнь возобновилась. В настоящее время реставрационные работы почти завершены. Особенно поражает интерьер храма – необыкновенно светлый и радостный. Он производит впечатление райского сада.

Удалось разыскать и могилы погребенных в скиту известных философов К.Н Леонтьева и В.В. Розанова. На их могилах восстановлены кресты.

Посетить Черниговский скит можно на общественном транспорте, доехав до него на автобусе № 38 от автовокзала Сергиева Посада, или от остановки «Улица Карла Маркса», которая находится недалеко от Лавры.

Киновия

В середине XIX века неподалеку от Гефсиманского скита, на высоком берегу пруда, возникла Боголюбивая пустынь, чаще называемая Киновией. По-

гречески это слово означает – маленький монастырь. Основателем был тот же старец Филарет (в миру Филипп Хорев), который копал пещеры, положившие начало Черниговскому скиту. Вместе с ним на новое место перешли и трое его сыновей. Каменная одноглавая двухъярусная церковь была построена на средства московской купеческой вдовы М.И. Логиновой. Этот храм, поставленный во имя Боголюбской иконы Божией Матери освятили в 1861 году. Киновия была уединенным местом. Богомольцы посещали ее редко. Здесь хоронили монахов Лавры. В начале 1920-х годов Киновия была закрыта.

В Киновию можно доехать на автобусе № 38 или пройти пешком от черниговского скита.

Пустынь Святого Параклита

Километрах в шести от Лавры находилась пустынь Святого Духа-Утешителя или Святого Параклита. По-гречески слово Параклит значит Святой Дух-Утешитель. Основан он был архимандритом Антонием (Медведевым) в 1858 году для старцев-монахов, которые хотели жить в безмолвии. Было выбрано удаленное место в лесу, где монахи и поставили отдельные деревянные келии. Через некоторое время построили часовню, но собирались в ней только в воскресные дни и двенадцатые праздники. А для причастия им приходилось ходить в Гефсиманский скит в любую погоду, часто по колено в снегу или грязи. Московский купец Иван Кириллович Королев, узнав об этом, просил разрешения построить в Параклите церковь. Старцы, их было в то время всего семеро, согласились. Постройка каменной одноглавой церкви была закончена в 1861 году. Верхний храм освящен во имя Святого Духа, нижний – Иоанна крестителя. В конце XIX века была выстроена колокольня и монастырь обнесен кирпичной стеной.

Устав был строгий. Женщины в скит войти не могли.

Посещение Параклита в июне 1897 года описал священник Федор Соловьев, будущий старец Алексей Зосимовский (1846–1928). Овдовев, он хотел стать монахом:

«...я мечтал о Параклите, – Параклит – это пустынька в лесах за Троицей, недалеко от Черниговской; устав там строгий, подвижнический, женщин в обитель не пускают»... Вот он и отправился в путь вместе с племянником. «Приехали мы с ним к Троице, оттуда взяли извозчика, и поехали в Параклит. День был жаркий, солнечный, мы ехали, всё углубляясь в лес. И чем дальше мы ехали, тем глуше становилось, и такая благодать. Кругом все лес, всюду цветы, земляникой в воздухе пахнет; солнце светит сквозь чащу ветвей, птички поют, а кроме их голосов, кругом полная тишина, сердцу так легко, так хорошо от тишины. “Вот – говорю я племяннику, – где может быть настоящее житие монашеское”. Вскоре увидели деревянные домики и церковь, обнесенные деревянным забором. Входим в пустынь. Кругом ни души, будто никто здесь и не живет, обошли мы все строения – никого. Наконец, натолкнулись на монаха, шедшего в обитель с косой на плече, видимо, с работы. Мы к нему: “Где братия?” – спрашиваем, – “На работе, на лугу сено косят”. – “Можно церковь посмотреть?” – объясняем, кто мы такие. – “Можно, – говорит, – сейчас будет вечерня, я сам иду к вечерне, я ведь пономарь”, – а сам с трудом переступает от усталости. Отпер он церковь, очень она мне понравилась. “Вот, подумал я, – где молиться хорошо!” Стали мы сбоку, ждем начало службы. Видим: входит старый инок, такой смиренный и скромный, становится в стороне, в углу, вместе с братией, – это, оказалось, сам игумен; и старец там был, тоже замечательной жизни, подвижник, и тоже стал смиренно позади всех. И братья все, хотя, видимо, усталые, только с послушания пришли, а стоят с полным вниманием и

благоговением. Служба идет так чинно, и чтение уставное – громкое, явственное, и пение стройное, неспешное – очень все это мне по душе было...».

А в 1920-х годах побывал в Параклите юный в ту пору граф Алексей Комаровский. Он вспоминал:

«Это был мужской монастырь с очень строгим аскетическим уставом, где жили иноки, решившиеся на подвиг суровой затворнической жизни. Параклит размещался в девяти верстах от Лавры на небольшой поляне, окруженной со всех сторон густым еловым лесом. От скита вела к нему глухая, мало наезженная и потому заросшая дорога, вдоль которой вилась узенькая, скользкая от лесной сырости тропка ... Ходили мы туда с моей тетушкой Софией Владимировной Олсуфьевой. После длинной и утомительной дороги мы подошли к монастырским воротам и через привратника попросили, чтобы к нам вышел о. Порфирий, живший в Параклите после закрытия скита (имеется в виду Гефсиманского). Беседовал о. Порфирий с тетей в небольшой избушке, стоящей вне ограды. После беседы он провел меня в ограду, а затем в трапезную. Тетя осталась ждать вне монастыря. Был жаркий летний день. На поляне около церкви сушилось сено. Монахи в белых нательных рубашках, творя Иисусову молитву, ворошили и складывали в копны сено. На спине рубашки у каждого был вышит черный череп со скрещенными под ним костями. От тишины, от черных черепов, а, может быть, от пряного запаха свежего сена мне стало как-то не по себе. Я попал в другой, неведомый мне мир бытия. В это время прозвучал колокол, и все пошли в трапезную. Там, также храня молчание, за длинными столами из струганных досок сидела на лавках братия. Только голос чтеца нарушал тишину. На столах вся посуда была деревянная. Кормили щами из кислой капусты и картошкой с зеленым луком, но без масла. Вероятно, день был постный. Перед каждой чашкой лежал большой ломоть еще теплого, очень вкусного черного хлеба. Брал ли кто из монахов

добавку, я не заметил. Но мне, совсем не избалованному подростку, трапеза показалась очень скудной».

Вспоминая о 1920-х годах, князь Сергей Михайлович Голицын (1909–1989) писал:

«Троице-Сергиевская лавра была закрыта, но скиты Гефсиманский – вблизи Глинкова, и Параклит – подальше – еще существовали. В лесу или по дороге в Сергиев Посад можно было встретить монаха в скуфейке, в запыленных стоптанных сапогах, который шел, наклонив голову, шепча молитвы. На фоне елового леса, придорожных цветов он казался словно спустившимся с картин Нестерова или с этюдов Корина. Да, дух преподобного Сергия покинул Лавру, а здесь, в обоих скитах, по лесам и тихим речкам он еще витал...».

Параклит закрыли только в 1927 году. До этого некоторое время он еще существовал как сельскохозяйственная артель. В церкви помещался клуб. Ограду сломали. Но в 1992 году храм был возвращен Церкви. Сейчас в Параклите находится общежительный монастырь.

Проехать можно автобусом № 38 от автовокзала Сергиева Посада до конечной остановки «Смена». Далее около полутора км. пешком.

Гермогенова пустынь

Священномученик Гермоген, Патриарх Московский и вся Руси (1606–1612), который, находясь в Смутное время в заключении, рассылал по городам и селам грамоты, возбуждавшие народ к освобождению Москвы от врагов, в 1913 году был канонизирован как святой. И в том же году монахами Николо-Угрешского монастыря была устроена в лесной чаще, километрах в

девятнадцати от Лавры, Гермогенова пустынь. Так вспоминал о посещении ее в 1923 году будущий протодиакон Сергей Боскин (1907–1992):

«Неожиданно мы оказались перед высоким бревенчатым забором. За ним на освещенной солнцем поляне – церковь с колокольней, на расстоянии вокруг – домишки, ближе к воротам – землянка... Долго стояли мы, отдыхая в благодатной тиши, ждали – не откроет ли кто... Церковь золотится своими бревенчатыми стенами, домики – в зелени, маленькие, светленькие, грядка с овощами, заросли иван-чая, молодые елочки, березки и белые грибки. А вот и запоздалая крупная земляника. Здесь не тревожат, не переделяют, во славу Божию все живет и растет. Лесом шли – аромат удивительный, здесь на солнце все благоухало. На церковном крылечке, отдыхая, молчали: тишина неземная... Красота увиденного дополнилась музыкально настроенным звоном пустынным. Вошли в храм. Бревенчатые стены, иконостас – без украшений, чистой работы. Иконы хорошего письма... В тишине, молитвенно, уставно в пустынной церковке прошла всенощная с отцом Епифанием. Затем мы прошли в его келию – маленький домик из двух крохотных комнаток. Отец Епифаний надергал из грядок морковки, репы. Затем в печурке на таганке, добавив капусты, поставил вариться. У нас, – сказал он, – в двух верстах за лесом находится хозяйственный двор – лошадка, коровка, хлебное поле, на опушке леса – сенокос, там сегодня и готовили для братии. От собранного урожая мы и питаемся – двенадцать иноков. Доходов у нас никаких, свечного ящичка в церкви нет. В праздники из деревень придут несколько человек, а поданные ими поминанья возвращаем мы с вынутыми просфорами бесплатно... Вот и трапеза готова, устроились на березовых кругляшках вокруг круглого обреза от большого пня. Подкреплялись отварными овощами, прочитали вечернее правило. На отдых легли на полу. За стенкой долго слышались земные поклоны.

Утром отец Епифаний поднял нас на молитву, затем благословил идти в церковь.

Литургию служил один о. Лука. Кроме отца Епифания, на клирос пришли еще два инока: монах Павел и молодой послушник Александр. Литургию пропели по обиходу в шесть голосов, легко и ладно. На левом клиросе стоял пожилой, строгого вида иеродиакон пустыни, временами он уходил в алтарь для исполнения пономарских обязанностей... По выходе из храма мы остановились. В утреннем освещении он казался еще светлее, нежнее – совсем новенький, но от него веяло святыней древности и преданием многовекового прошлого. С храмов, подобных этому, и начались обители земли Русской».

Побывал в Гермогеновой пустыни и Сергей Голицын с сестрами и друзьями.

«Тот поход, – писал он, – а вернее богомолье, вспоминается мне как одно из самых поэтичных впечатлений моего отрочества. Благостное чувство охватывало нас, когда мы шли от деревни к деревне то полями, то перелесками, наконец, нам показали малоезженую дорогу, и мы углубились в вековой лес, а вскоре нам представился вид словно с картины Нестерова: лесная поляна, местами распаханная; пара лошадей пасется, иноки работают на пашне, на краю леса несколько недавно срубленных, малых, крытых соломой избышек; над той, что была побольше и крыта тесом, поднималась кругленькая луковка из осиновых дощечек, увенчанная деревянным крестом. Постройки окружала изгородь из слег.

Наш приход сперва вызвал у монахов смятение – нас приняли за представителей власти. А услышав, что мы богомольцы, монахи собрались совещаться, как нас устроить, чем угостить... Шла всеобщая, мы вошли в церковку и встали в полутьме притвора... Когда же служба кончилась, нас позвал к себе древний старец отец Андрей и начал ставить самовар. Никак у

него не ладилось, единственная в скиту самоварная труба была старая, продырявленная во многих местах, пламя вырывалось наружу, и вода никак не закипала. Отец Андрей охал – вот какая беда: из-за трубы он не может нам предложить чаю из земляничных листьев с медом».

Друг автора воспоминаний Андрей обещал своему тезке-старцу при первой же возможности доставить новую самоварную трубу. Он выполнил обещание, приехав осенью в пустынь.

«Явился он туда ночью, насмерть перепугал монахов и вручил трубу старцу. Недолго она послужила. Через год мои сестры и Андрей, но уже без меня, – писал Голицын, – снова отправились в пустынь и застали там мерзость запустения: бревна избушек были развезены по окрестным деревьям, монахи разошлись в разные стороны. В зарослях крапивы валялся никому не нужный осиновый церковный куполок с поломанным крестом...».

Несколько лет назад о Вячеславу Брегеде, настоятелю церкви Дмитрия Солунского села Яковлевского, удалось разыскать место, где находилась пустынь. Разбросанные фрагменты кирпичной кладки, поросшие мохом, напомнили о существовавших постройках. На этом месте был установлен деревянный крест с табличкой, на которой указана дата конца существования пустыни: 1929 год.

В этом году исполняется 400 лет со дня мученической кончины Святителя. При посещении Свято-Троицкой Лавры в марте 2012 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, говоря о трагических событиях Смутного времени, подчеркнул значимость личного подвига Святителя: «Не было бы Патриарха Гермогена – не было бы и современной России, суверенного государства! Уверен, что молитвами Святителя Гермогена Господь и сегодня защитит Россию от соблазнов, от беспамятства, от потери понимания того, что есть добро, а что есть зло, от готовности куда угодно интегрироваться без

всякого понимания, что произойдет со страной, с народом и с православной верой. Не дай Бог, чтобы трагедия 400-летней давности повторилась в современной жизни России!»).

Добираться до места, где находилась Гермогенова пустынь можно рекомендовать только выносливым и тренированным людям. Проехав по Ярославскому шоссе, сделать на М 8 поворот на Хотьково, далее по шоссе от Хотьково на Мостовик. От деревни Алферьево заброшенными лесными дорогами, переправляясь через речки и преодолевая различные препятствия.

Смоленская Зосимова пустынь

Дальше всего от Лавры, километрах в двадцати, находится Смоленская Зосимова пустынь. Расположена она на холме, поросшем еловым лесом, на берегу речки Молокчи. По преданию, основал ее в середине XVII века старец-схимник Троице-Сергиева монастыря Зосима. После его кончины обитель запустела. И только при архимандрите Троице-Сергиевой лавры Павле (Глебова; 1891–1904) в конце XIX века развернулось строительство. Главный храм в честь Смоленской иконы Божией Матери был закончен и освящен в 1897 году. Позже были построены другие церкви, колокольня, ограда – все из красного кирпича. Над старым колодцем, выкопанным по преданию еще старцем Зосимой, соорудили открытую часовню. В куполе ее был написан образ Христа Спасителя. Он отражался в воде колодца.

Монахи – в основном они были из крестьян – сеяли рожь и овес, сажали овощи и фруктовые деревья, завели пасеку, приобрели скот. Возникло образцовое хозяйство. Жизнь была скромной и тихой. «Тогда здесь была такая глушь, что ветки деревьев качались у моего окна, а по ним прыгали белки...» – вспоминал старец Алексей (Соловьев), приехавший в пустынь в 1898 году.

Настоятелем в то время был игумен Герман (ум. в 1923), пришедший из Гефсиманского скита, человек исключительной скромности. Был он великим молитвенником, писал иконы. Строгий к себе, заботился о братии и превосходно организовал хозяйство обители.

В Зосимовой пустыни и принял постриг о. Федор Соловьев. Вскоре к нему, старцу Алексию, потекли люди за советом и духовным руководством. Каждый день исповедовал он посетителей в своей избушке. Его терпение и любовь к людям были безграничны. Забывая себя, он всех утешал, ободрял, наставлял.

Многим запомнилась дорога к Зосимовой пустыни. Мария Александровна Голубцова (1887–1925), дочь профессора Московской Духовной Академии, сотрудница Государственного Исторического музея, приезжала в Зосимову пустынь в 1920 году. Вот она вышла на станции ранним июньским утром.

«Эта узкая лента дороги, лесной свежий запах, росистость травы и утренняя влажность земли сразу рассеяли мое хмурое недовольство – я не выспалась, хотелось покоя. Когда же через полверсты мы вышли на склон холма и передо мной открылась широкая долина, зеленый луг заблестел росой и, вытянувшись, как свечи, встали стройные елочки и затемнел вдали сквозь туман лесистый склон холма, – душа моя вся зажглась восторгом утренней молитвы к Творцу всей этой чистой, ясной только проснувшейся красоты земной. Кажется я никогда не забуду этого утра»...

В монастырской гостинице:

«...нас встретила красная лампада у образа Смоленской Божией Матери, и от этого привета стало сразу на душе тепло и уютно, и тайная надежда на душевный мир начала работу в глубине существа. В темном коридоре поздоровались мы с отцом Тимолаем, и он благословил нас маленький номерок на двоих, тотчас налево от входа. Все имело для меня еще прелесть

новизны: самовар наш и незатейливое хозяйство 20-года – сухари, картошка, советский кофе, селедка. Все было так вкусно, а уж уютно!.. – две постели по стенам с подушками, покрытыми жесткими байковыми одеялами. У окна маленький столик, 2–3 стула разных фасонов; в углу образ с лампадой, и под ним на столике книжечка-другая из монастырской библиотеки – Четьи-Минеи или “Душеспасительное чтение”. Пол белый, стены бревенчатые, и все, как в келии. Хорошо! Душа отдыхает...».

Раньше, еще до революции, не раз бывал в пустыни Сергей Иосифович Фудель (1900–1977), в будущем известный духовный писатель. Он вспоминал:

«С семнадцати-восемнадцати лет все было у меня связано с Зосимовой пустынью. Туда мы ездили часто и чуть ли не всей семьей по нескольку раз в год. Вот уходит поезд, из которого мы вылезаем в Арсаках по Ярославской ж.д. И так уж тихая станция совсем затихает, и тишина охватывает нас. Знакомая пролетка, и знакомый кучер монах, одетый в какую-то смесь мирского с монашеским, и знакомая лесная дорога, по которой мы устремляемся в еще большую тишину мимо елей и берез и болотистых канав с незабудками.

Природа здесь не та, что в Оптиной – здесь север, и кругом монастыря густой еловый лес. Удивительно, как раскрывается человеку природа, когда он у церковных стен. Один ряд номеров гостиницы выходил окнами прямо в лес. И вот я помню, как зимой откроешь форточку и чувствуешь запах снегов среди елей и среди такой тишины, которая уму непостижима. Все живое и нетленное, и благоухающее чистотой. Там, где монахи – истинные ученики Христовы, там около них расцветают самые драгоценные цветы земли, самая теплая радость земли около их стен... Монастырские службы в таком монастыре, как Зосимова, особенные. Если отдать себя им вполне и доверчиво,

то такое чувство, будто сел в крепкую ладью, и она вздымает тебя по волнам выше и выше. Тебе и страшно немного, и в то же время так хорошо».

В 1923 году пустынь закрыли. Выселили монахов. Старец Алексей нашел приют вместе со своим келейником о. Макарием в Сергиеве у одной из своих духовных дочерей. Скончался он 19 сентября 1928 года на 83-м году жизни. В 1994 году останки его перевезли в Зосимову пустынь. Они покоятся теперь в приделе Смоленского храма.

Многое в Зосимовой пустыни было разрушено. Но главный храм и стены устояли. Сейчас возобновлено монастырское житье. И опять летом не застать монахов – все на покосе. Все трудятся. И по-прежнему словно тихое веяние благодати ощущается там повсюду.

Путь из Москвы в Смоленскую Зосимову пустынь: с Ярославского вокзала электропоездом, который идет в Александров; доехать до платформы Арсаки, дальше пешком направо по дороге, идущей перпендикулярно железнодорожному пути. Посещение по предварительной договоренности, так как монастырь находится на территории воинской части.

Использованная литература

- *Боскин Сергей*, протодиакон. Последняя пустынь // Троицкое слово. Сергиев Посад, 1990. Вып. 2.
- *Голицын Сергей*. Записки уцелевшего. М., 1990.
- *Голубцова М.А.* Тогда еще не загасили лампы // К свету (Альманах) № 14. Б/м, б/д.
- *Розанова Н.В.* Из моих воспоминаний // Литературоведческий журнал. № 13/14. Ч. 2.
- *Трубецкая К.П.* Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине // Хоругвь, 1993. Вып. 1.
- *Филимонов К.А.* Новая Гефсимания. М., 2000.
- *Филимонов К.А.* Черниговский скит: формирование ансамбля // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 1995. М., 1995.

- *Фудель С.И.* «В крепкой ладье» // К свету (Альманах) № 14. Б/м, б/д.
- *Хрунова Н.В.* Спасо-Вифанский монастырь. Сергиев Посад, 1996.
- *Четверухин И.Н., Четверухина Е.Л.* Иеромонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. М., 1995.
- *Шмелев И.С.* Богомолье. М., 1994.

Илл. приведены в мультимедийном издании.